

Я знаю и твёрдо верую, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может.

Ф. Достоевский. Дневник писателя

Мемуаров в чистом виде я не пишу. Хотя время от времени и ссылаюсь на своих университетских преподавателей. Даже статью под названием «Родные филологи» в прошлом году написал. Но тут подоспел президентский инициатив о возвращении в школу сочинений по литературе, всколыхнув у «бывших детей» волну воспоминаний, не присоединиться к которым было бы просто грех: кому, как не нам, ветеранам педагогического труда, выступить в данной ситуации в роли «свидетелей защиты»?

Помню, как кое-впечатление произвел на нас статья ректора ЛГУ в университетской многотиражке в начале 1960-х. Александр Данилович Александров не только всем нам, студентам и нашим преподавателям, известное изречение древних: *учишься – это не сосуд, который надо наполнить, светильник, который надо зажечь*. Не противопоставляя одно другому, он сосредоточил внимание на творческом процессе труда.

Мне тем более по поводу зывают гимн стихом умно. Не случайно, очевидно, на филологическом факультете присутствует и математическая лингвистика; новейшие электронные ресурсы базируются на цифровых технологиях. И тем не менее первые страницы в школьных журналах так же не случайно отведены русскому языку и литературе: их роль в формировании всесторонне развитой личности уникальна. Именно на этих уроках звучит первый скрипк, будь то творческие диктанты или отзывы о прочитанной книге, сочинения на свободную тему или заметки после диспутов и читательских конференций – с венчающими всю эту методически выверенную конструкцию сочинениями по литературе. Мне тем более Александров это понимал, когда говорил, что филфак – это барометр всей университетской жизни.

Мой непрерывный стаж работы рядовым школьным учителем составил, начиная с 1966 года, ровно двадцать пять лет. С мая в то время никаких сочинений, разумеется, не писал: хвятило бы сил и времени на проверку ученических работ. Однажды, например, мне «посчастливилось» вести в течение

всего учебного года три своих девяти- и три выпускных десятых классов за болевшей коллегой: я тогда просто «не просыхал» от проверок классовых и домашних сочинений... А моё первое сочинение «Наш урок как Маяковского» в журнале литературы туристической публицистики было написано в 1993-м, спустя два года после выхода на пенсию по выслуге лет. С тех пор и с ним юзе сочинительством: за это время мной написано три десятка литературы туристических статей, добрая половина из которых дошла до читателя. Теперь мои письменные творческие работы «проверяют» мои бывшие ученики, выставляя мне оценки за содержание и язык. (Даже коснётся хоть этих строк рук всемогущего редакционного корректора!)

Статьи мои, как правило, были отклик на какой-нибудь фильм или телевизионную постановку, газетную или журнальную публикацию или литературную новинку. В других работах (например, «Мы это проходили», 1994 г., опубликованная в Прокопьевске, или «Это мы не проходили», 1995 г., опубликованная в Кемерове) я без обиняков отозвался о реформировании преподавания литературы. Тогда, статья 1995 года закончилась следующим образом: «Создан фондamentalный программ «Обновление гуманитарного образования в России», плод совместной работы Министерств образования России, Госкомитет РФ по высшему образованию, Междугородного фонда «Культурная инициатива» и Междугородной ассоциации образовательных систем. Цель программы – «гуманизация образования, создание нового поколения в развитии ценностных и учебных пособий, ориентированных на ценности отечественной и мировой культуры современного демократического общества» (Новый мир. 1994. № 10). Это значит, что запущен мощный механизм формирования общественного сознания в духе буржуазной идеологии. Что же, это мы, действительно, не проходили.

В предвкушении знакомства с новейшей теоретической продукцией не будем забывать, что действенным противоядием для любой, даже с мой экстрагнатной интерпретацией художественного произведения всегда служил и будет служить его текст, где при внимательном прочтении слышится голос без каких-либо посредников с автором. Именно здесь, в гостях у писателя, «отцы» и «дети» получают счастливую возможность если не согласиться, то уж, во всяком случае, понять друг друга, снимая так или иначе остроту вечного конфликта поколений».

Что касается президентской инициативы, то В. В. Путин так объясняет механизм решения проблемы: это только не поверхностный взгляд представляется, что подобные инициативы целиком и полностью исходят от облечённых верховной властью государственных деятелей. Нас же деле

138

они лишь «во всю Ив новскую» озвучивают и подкрепляют своим вторитетом те плодотворные идеи, которые широко обсуждаются в обществе. Например, о том, чтобы вернуть школьные сочинения, говорил в 2010-м наш кузбасский поэт Борис Бурмистров (Огни Кузбасс. 2010. № 6). Н то, что русский язык и литер тур постоянно урезуются и вытесняются из школьных программ, обратил внимание литер тур Владимир Когнов (Тем же. 2011. № 3). О том, что без творческих работ по литературе школ выдвигают популяцию исполнительных роботов, предупредил член экспертного совета Петишей литер турной премии Алексей Воробей: «... может быть, не именно такие безмозглые и бессердечные «винтики» теперь и нужны?» (Тем же. 2011. № 4) О нашей безоглядной доверчивости к сомнительному заноскому опыту в родном произведении писателя в 2009-м Юрий Когнов (Новый мир. № 6). О сумерках вузовского образования, вспомнил Рознов, сигнализов профессор МГУ Андрей Рачин (Тем же. 2013. № 7). В качестве обобщающей констатации приведу суждение доцента кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ Ирины Ащеуловой: «... в современной общеобразовательной школе русская литература исключена из обязательных предметов, сдвигается в системе ЕГЭ; наши выпускники довольно перестали писать сочинения, и как следствие, постепенно перестают не только читать и безграмотно, убого пишут и мыслят, но перестают и разговаривать на нормальном литературном русском языке. Я думаю, понятно, к чему приведет процесс постепенного исчезновения литературы из школы: наши дети, молодые люди и в дальнейшем целые поколения будут ведомы и стандартны в своем поведении. Вне зависимости от профиля школы или класса (гуманитарный, естественнонаучный или физико-математический) литература необходима для развития полноценной личности, умеющей не только высказывать свои мысли, но и формулировать собственную картину мира, ответственную и грамотную позицию» (Огни Кузбасс. 2009. № 6).

В качестве одного из «свидетелей защиты» я, разумеется, двумя руками за президентское «ручное управление». Это вовсе не означает, что учителя-ветераны извиняются за возникшие в связи с этим проблемы. Не останавливаем мы без внимания и то, о чем говорил на выездном Всероссийском пленуме Союза писателей России, проходившем в минувшем году в Барнауле, председатель правления Союза писателей Республики Алтай Бронтой Бедюров: «Мы видим, что любое шевеление в этом направлении Президент страны подвергается шельмованию со стороны так называемой свободной прессы» (Тем же. 2013. № 5). В этой ситуации патристически настроенной общественности необходимо сделать всё для того, чтобы нуж-

ная и своевременная инициатива не была бы скомпрометирована ни с точки зрения её материального обеспечения, ни в плане организационно-методических мероприятий.

Наш преподаватель литературы в старших классах хваляет дополнительную нагрузку. Сошлюсь на «Единые требования к устной и письменной речи учащихся, к проведению письменных работ и проверке тетрадей, на которые в своё время ориентировали (Методическое письмо // Русский язык в школе. 1981. № 1). Например, в 8-х классах мы обязаны были в течение учебного года провести три классных и три домашних сочинения (оставляю за скобками другие письменные творческие работы). А в 9–10-х – четыре и три соответственно. Согласно тем же «Единым требованиям», проверить сочинения трёх, например, параллельных классов не полностью в среднем до тридцати учащихся мы были обязаны в течение десяти дней (оставляю за скобками подготовку к урокам: на уроке литературы, например, в 9-м классе у меня уходило в среднем четыре часа). Трудно? Безусловно. Но с чем справиться для удовлетворения, к коему испытываешь от успешного завершения работы, то есть когда ты видишь, как в глазах твоих подопечных появляется тот блеск живой заинтересованности, за который Ленинградский учитель Евгений Николаевич Ильин готов был без всякого вызова к доске ставить пятёрки! (Это чувство я вновь переживаю сегодня, перечитывая выписки из читательских отзывов моих ребят и их сочинений.) Эту работу школьного учителя можно справиться с должностными обязанностями тех сотрудников редакций и издательств, кто первыми прочитывает сочинения прозаиков и поэтов, литературоведов и критиков, вынося на обсуждение коллегий достойные, с их точки зрения, произведения. Трудная работа? Безусловно. За то к коему удовлетворению они должны испытывать, когда их профессионализм становится, с одной стороны, непреодолимой преградой на пути низкопробных поделок и откровенного nepотpeбств, с другой, является гарантией того, что добротные произведения дойдут-таки до читателя в их первоначальном виде. Говорят, что таких квалифицированных работников сегодня в редакциях толстых литературных журналов не хватает, они оседают в материально обеспеченных частных издательствах. Как бы это рикошетом не ударило по школе...

Итак, возвращение в школу сочинений по литературе должно быть материально обеспечено. Условно мыслящих программистов так называемых, полуглоу, затруднений не вызовет. Специальные безошибочно подсчитывают и определяют, сколько будет стоить этот переориентированный поток воспроизводства мыслящих роботов и воспитание всесторонне развитой личности. Волевых

решений относительно того, сколько нужно будет платить учителям за проверку многострочных сочинений, здесь однозначно быть не должно. Иначе рынок, сообразуясь со своими экономическими законностями, задавит любую благую инициативу. Проманхис или поскредничьямы в этом деле, отток специлистов данного профиля из школы будет неизбежен (в качестве вязаного «узелка на память» сошлюсь на массовый исход из школы учителей-мужчин; моя родная школа превратилась в подобие мотери-одиночки со всеми отсюда вытекающими последствиями).

Неступиду предугадывать, как обрзоныши пригитически мыслящие организаторы школьного образования будут решать эту проблему. Профессор Рачин, например, подскзывает такие механизмы регулирования оплаты труда преподавателей, как снижение педагогической нагрузки или включение научной работы – в нынешнем случае проверки объёмных письменных работ по литературе – в педагогическую нагрузку с перерасчётом времени в учебные часы. Это дело ведущих специалистов от родного образования. Нынешнее дело предупредить о том, что всё должно быть учтено и тщательно выверено. Никой благодушной мниловщины! – это не только поручение президента РФ, но и социальный заказ нашего поднимющегося с колен обществ.

Попутно можно обозначить ещё один резерв времени, необходимого учителю для работы по самообразованию, подготовки к урокам и проверки письменных работ. Во-первых, речь должна идти о ставшей притчей во языцех непомерно возросшей ответственности, когда учитель не столько работает с детьми, сколько ломает голову над тем, как об этом получше отчитаться (ведь от этого и напрямую зависит его зарплата; не понеслышке знаю, как высокие показатели учителей могут добиваться хорошо усвоенной ответственности; помню и позицию светлой памяти заведующего Кемеровским обкомом Крёков, когда вводилсь перестестция. «Не забывайте, – нпутствовал он нас в Прокопьевске, – про Марию Ивановну, у которой никогда не будет блестящих показателей, потому что к ней в класс столкнули всех тех малоспособных и трудновоспитуемых, от которых откзались образовательные педагоги, они с ними справляется». Во-вторых, нам следует свести до разумного минимум зрелищность учебного процесса, который в советском прошлом был заклеямен в учительском быту русским словом «показух», в новейшее время незслуженно и во вред делу вознесен до неглагозычного «шоу». Делу – время, потехе – час.

Специлистам, кому президент передресовал стоящий заказ, придётся задуматься над тем, как эти проблемы ставит перед школьным учителем

литературы Интернет. Например, учитель Лев Айзерман сообщил, что в октябре 2012-го он получил в 10-м классе абсолютно одинаковых сочинения, которые были скопированы с одного сайта. Теперь он вынужден проверять сочинения с открытым ноутбуком (Знамя. 2013. № 8). Как быть с того рода «творчеством»? В принципе, опознать хитрую преподавательскую работу не составляет особого труда. Проблем в другом: поди докажи без педагогического расследования (по нологии с «журналистским»), что речь идёт о подлоге! Проблем, с которой мы нынче не сталкивались...

Далее речь уже может идти о том, что со всей определённой обозначил Ирина Ащеулова: сочинения по литературе жёстко связаны с чтением художественной литературы. В идеале произведение должно быть прочитано до того, как о нём заговорит учитель и будут прочитаны соответствующие страницы учебника. Обрзотная связь в этом случае осуществляется с помощью читательских отзывов или письменных ответов на вопросы учителя. Среди прочего меня, например, интересовало, как шёл с ним процесс чтения и, в случае экранизаций, впечатления от того и другого. Предлагаемые читателю выписки были сделаны из работ в 1985/86-м и 1986/87-м учебных годах (их вторые – это родители сегодняшних школьников):

«Авторские размышления [в «Евгении Онегине»] мешали восприятию сюжета. Много иностранных слов, это затрудняло чтение».

«Точно не могу сказать, понравился мне роман или нет. Много не поняла. Мои ожидания не оправдались. Я думала, что Татьяна и Евгений Онегин будут вместе. Я не поняла характера Онегина, когда он старается отомстить Ленскому и увлекает Ольгу. Ещё буду перечитывать».

То, что читали тогда в 8-м классе, сегодня читают в 9-м. Приведу в качестве примера эпизод из книги профессора Вилия Голованова «Лето бочек» (Новый мир. 2009. № 4):

«В девятом классе, где как раз учится Светик, дочка моей второй жены, сейчас проходят «Героя нашего времени». В своё время эту вещь затронул меня – я со школы помню это поразительное чувство открытия <...> я спросил:

– Ну что? Нравится тебе?

– Не, – сказал Светик. Ни малейшей интонацией не подчёркивая этого своего отрицания и именно этим делая его абсолютно безпелляционным. Зря старлся Михаил Юрьевич Лермонтов. Молодое поколение выскзывает ему своё «фи».

– А нам скзали прочитай что-нибудь одно».

Светик прочёл только «Мисим Мисимыч». Рзумеется, лконичное «не» не может заменить письменного читательского отзыва, где Светик объяснил бы своему учителю (через него и одно-

кл сник м), почему «М ксим М ксимыч» не вызв л у неё живого чит тельского интерес и почему он предпочл именно эту ч сть ром н , н пример, «Бэле» или «Княжне Мери». Но н нет, к к говорится, и суд нет. А вот к к восприним ли этот ром н восьмикл сники в середине 80-х годов минувшего век :

«Большое впечатление – «Фаталист». Интересна повесть «Княжна Мери». Сначала Печорин показался очень странным и не понравился. Но потом я понял. Печорин – лучший человек, которого можно найти в России, а Грушницкий – отвратительный человек. Как тонко Лермонтов разбирается в людях, в жизни! Можно подумать, что писал старый, опытный человек, а ведь он так молод».

«Не понравился роман. Может быть, я не поняла смысл. Мне было очень трудно читать. Читала только для того, чтобы написать впечатление (конечно, это очень плохо). [Во время чтения в кл сзе – при этом я никогда не выд в л второв: дети зне ли, что я мог д же поменять род у гл голов в прошедшем времени – в этом месте я выдерж л п узу и ск з л: «Хорошо!】 Отношусь с презрением к Печорину. Что ему надо было от Бэлы? Мне кажется, что Лермонтов стихи лучше пишет, чем рассказы. Но, конечно, может, это только сейчас. Когда я прочитала «Горе от ума», мне не понравилось, но через некоторое время, сидя на уроках и слушая учителя, мне начало нравиться».

«Когда читала, отношение моё к Печорину то и дело менялось. Я не знаю, хороший он или плохой. Вот встреча с Максимом Максимычем. Если бы я читала это, ну, года два или меньше назад, я бы расплакалась. Если он один, без Грушницкого, то мне он кажется всё-таки плохим человеком».

Специ листы свидетельствуют, что сегодня культур чтения сильно отлич ется от былой. Н - пример, гл вный ред ктор журн л для семейного чтения «День и ночь» М рин Олеговн С ввиных, н помин я н м о том, что н ш стр н был когд - то с мой чит ющей в мире, с сож лением конст тирует, что теперь мы чит ем м ло (Огни Кузб сс . 2009. № 3). Выступ я в прошлом году н пленуме Союз пис телей России, председ тель Союз В - лерий Г ничев обр тил н ше вним ние н то, к к сузился пьедест л пис теля, «н который он был возведён русской тр дицией, всеобщей гр мотно- стью, советской ув жительностью к книге» (Т м же. 2013. № 5). А сегодня со всей остротой вст л перед н ми проблем м ссового отк з от чтения. Лев Д нилкин, н пример, говорит о том, что перест ют чит ть д же с мые популярны книжки, р с- счит нные н с мых нетребов тельных чит телей (Р бкор.ру. 2010. 24 преля). А к к чит ли «бывшие дети» т кое непростое произведение, к к «Мёртвые души» Гоголя, когд им было всего-н всего 15–16 лет?

«Я не смогла прочитать поэму. Но мне интересно слушать, как рассказывают о событиях, происходящих в поэме. Когда же я сама под впечатлением от рассказов начинаю читать, то интерес почему-то пропадает. Не могу понять их характеры».

«Я очень часто слышу от своих друзей-одноклассников, что «Мёртвые души» очень трудно читать. Сначала мне тоже было трудно читать поэму, я не дочитал первую главу. Однако книгу не забросил. Полистал немного вперёд, стало интереснее. Постепенно я почувствовал, что чего-то не хватает. Тогда я открыл «Мёртвые души» сначала и стал читать заново, ничего более не пропуская. Мне становилось интереснее. Казалось, книга, словно магнит, тянула к себе, будто в ней была какая-то сила. Что это за сила? Может быть, эта сила – и есть искусство?»

«На каникулах взялась было читать «Мёртвые души», но чуть с ума не сошла от такого многословия. В этом, я думаю, и трудность в восприятии «Мёртвых душ».

«Есть такие люди, которые совсем не воспринимают «Мёртвые души». На это может влиять только жизненная позиция читателя. Какой ты в жизни? Если ты сам похож на Манилова, то о «Мёртвых душах» мнение будет отрицательным».

«Поэма мне показалась скучная и трудная. Может, потом, когда буду старше... У меня уже был такой случай. Я два раза бралась читать «Молодую гвардию», и только потом, в третий раз, я прочла её с удовольствием. Мне кажется, что поэма доступна и не для всех взрослых, не только для нас. В этой поэме мне некому было даже посочувствовать, и это было главным тормозом в моём чтении».

«Мёртвые души» не нравятся; а вот когда читала «Шинель», очень понравилось».

«Проза Лермонтова понравилась мне, потому что она написана как-то в стиле приключений. А когда читаешь «Мёртвые души», то становится скучно».

Д льше идут выписки из чит тельских отзывов девятикл сников. 1986/87 учебный год н чин лся для них с Островского:

«Драма Островского потрясла меня; жалость и злость на людей. Пьеса мне очень понравилась. И читается она легко, и всё понятно».

3 Островским последов л Тургенев. В ст тье 1995 год я тоже вышел н тургеневский ром н «Отцы и дети», чтобы с помощью его персон жей прояснить своё отношение к тому, чего мы в советской школе не проходили: «...мы успели-т ки позн комиться с обр зцом постмодернизм – ром - ном нглийского пис теля Джули н Б рнс «История мир в 10 ½ гл в х» (Иностр нн я литер тур . 1994. № 1). Д , н м хв тило терпения прочесть его. Но теперь недост ёт хр брости повторить з

Никол ем Петровичем Кирс новым его призн ния бр ту по прочтении новейшего из сочинений. Он в этом случ е т к ск з л про себя: «Либо я глуп, либо это всё – вздор». И доб вил: «Должно быть, я глуп». Что ж, мы тоже воздержимся от утверждения, что «дети» глупее н с.

Конечно же, мы и р ныше слыш ли о существово в нии триллеров, нтисоветской и дек дентской литер туры. Зн комясь с ними сегодня тексту льно, мы, безусловно, р шширяем свои позн ния об этом предмете. К сож лению, новейшие сочинения не огр ничив ются собственно изящной словесно стью. С тех же позиций – с позиций низкой пробы, нтикоммунизм и уп дочничеств перечитыв ется и препод ётся «детям» зн ком я н м со школьной ск мы кл ссик . З мочн я скв жин , политическ я ре кция и иде листическ я философия служ т основным инструмент рием при н лизе жизни и творчеств пис теля. Т к было с М яковским в юбилейном, 1993 году. Дост нется в этом году Есенину. Доберутся к 1999-му и до Пушкин ». Но вернёмся в 1986 год, к чит тельскому отзыв м, предв ряющим и слово учителя, и р боту с учебником и дополни тельной литер турой:

«Прочитала в хрестоматии и теперь хочу взять книгу. Непонятным для меня стал Базаров. Я так и не поняла, к чему он стремился, какие интересы преследовал».

«На первых страницах я умирала от скуки, а в конце было очень жаль, что роман кончился. Очень мне понравилось, как Тургенев показывает Фенечку, мать и отца Базарова, Катю».

«Роман понравился не очень, наверно, потому, что я ещё не всё в нём понимаю. Если бы у меня был выбор прочитать «Отцы и дети» или «Записки охотника», я бы, наверно, выбрала «Записки охотника».

«Описания всегда читать трудно. Это было первое, где описание читалось легко. Возник вопрос: почему Тургенев не оставляет своего героя? Он у него умирает».

Уроки по литер турной кл ссике перемеж лись с з нтиями по современной русской советской литер туре. Вот что пис ли те же девятикл ссники в том же 1986-м:

«Я вообще люблю читать книги о Великой Отечественной войне, и эта книга [«А зори здесь тихие» Борис Вильев] будет одной из самых лучших и любимых моих книг».

«Читается [ром н Юрия Бонд рева «Горячий снег»] намного труднее, чем «Отцы и дети». Кузнецов очень понравился; очень твёрдый, отважный, сильный и смелый человек».

«Не люблю читать такие книжки [«Д лёкие зимние вечера » В силия Шукшин], хотя она произвела на меня большое впечатление».

«Вообще люблю читать книги о Ленине. Многое не знала» [о ром не Аф н сия Коптелов «Большой з чин»].

Сочинения по литер туре пишут ст ршекл ссники в последние три год обучения в общеобр зов тельной школе. Вот что повед ли первокурсники ф культет журн листики МГУ доценту к федры стилистики русского язык Ан ст сии Никол евой: последние три год в школе они не чит ли ник ких книг и не пис ли ник ких сочинений. Всё это время ст ршекл ссники трениров лись вст влять пропущенные буквы и ст вить г лочки (Огни Кузб сс . 2013. № 2). К чему ведёт т к я систем обр зов ния? К тому п дению чит тельской культуры, которое, по свидетельству мерик нского препод в теля Ал н Лелчук , обн ружив ют сегодня его студенты (Иностр нн я литер тур . 2005. № 12). А советск я школ в своё время продолж л неутомимо трудиться н д воспит нием кв лифициров нного чит теля. Мы помним чит тельский отзыв юного Ульянов о ром не Чернышевского «Что де лть?»: «Взялось было чит ть его, когд молоко н губ х не обсохло, и ничегошеньки не понял»; но з то позже этот ром н прямо-т ки «переп х л» его. Подошло время бр ться з него и н шим девятикл ссник м:

«Я понимаю, что это должно быть прекрасное произведение. Но почему я холодно отношусь к таким романам, я не знаю. Может, потому что я ещё не созрела для такого произведения».

«Больше всех мне понравился Рахметов. Особенно восхищает, что он не тратил время по пустякам».

«Совершенно непонятно, зачем Чернышевский ввёл в роман «Беседу с проницательным читателем и изгнание его», зачем он употребил столько страниц на описание Рахметова, хотя он появляется в романе два или три раза».

«Всё запуталось, и при чтении я не осмысливал слова. Я просто не понимаю, что читаю. Некоторые отступления всё путали, и я не мог всё прочитать».

«Очень понравилось то, что писатель начнёт рассказывать и не докончит, даёт тебе самому подумать. И очень радостно бывает, когда твои мысли совпадут с тем, что написано в книге. Я впервые читала такую книгу, где автор не постороннее лицо, а сам с тобою спорит, рассуждает, обвиняет. Это очень интересно. У меня всё время что-то кипело, бурлило в голове. Я мыслила... Я обязательно ещё раз прочитаю этот роман, но только спокойно, разбираясь буквально в каждой строчке».

«Читалось, как бы это правильно выразить, просто, но непонятно... Марья Алексеевна похожа на Кабанову из «Грозы» Островского. Роман понравился тем, что кончился хорошо, а не как в «Грозе» Катерина покончила жизнь самоубийством».

172

«В романе всё время говорят очень умно, что я ничего не понимаю, герои как-то ходят кругами. Роман «Отцы и дети» мне кажется лучше. Тургенев пишет красиво. На каникулах я ещё раз прочитаю роман, и до меня дойдёт всё внутреннее содержание».

Думая, что сегодняшним стрекслесником роман Чернышевского при первом знакомстве доставил бы не меньше трудностей. Но дело в другом. Вопрос в том, предельно ли вообще Чернышевского сегодняшнему читателю? Судя по тому, как против него ополчились литературоведы Ирина Пеперно с критиком Михилом Золотоносовым (его статья «Новый поворот в мифе о Чернышевском» о монографии Ирины Пеперно «Семиотики поведения. Николай Чернышевский, человек эпохи реализма» был опубликован в еженедельнике Moscow News. 1996. № 32), его произведения впрямую изымать с полок общедоступных библиотек. В середине 1990-х в статье «Нет, это не так» я писал об этом с женской душой: «Кое-кое огромное воздействие на человека оказывает книга, говорит Пеперно. Да, да, вторит ей Золотоносов, к коему уже такое влияние на человека оказывает литература: стоило Чернышевскому написать о «новых людях», как тысячи читателей последовали их примеру».

Это всё потому, ведёт свою партию учёный-исследователь, что эпоха реализма вызвала к жизни новый тип поведения, основанный на религиозных книжных доктринах. Вот-вот, подхватывает журнал-лист-популяратор, созданные воображением неудачник Чернышевского (который не сумел стать ни порядочным священником, ни чиновником, ни преподавателем!) критерии были бездумно скопированы современниками на примере их собственных судеб. Святая простота! Им и невдомёк было, просвещает нас с подголоском трубадура, что в книжке-одно, в жизни – совсем другое. То ли дело сегодняшние «новые русские!» Их намяки не проведёшь. Они этим книжным бредням ни в жизнь не поверят: «Russia seems to have entered the post-realistic period of disbelief in doctrines. Most people don't like the idea of going to the execution block for them. The art of rhetoric, despite the rhetoricians' efforts, no longer determines human conduct» («Россия, кажется, вступил в пост-реалистический период неверия в доктрины. Большинство людей и не подумают идти за ними в плену. Искусство риторики, несмотря на усилия критиков, уже не определяет человеческого поведения». Перевод мой. – В. Е.).

Стоп. Вернём на свои места сдвинутые по фону идеологического противостояния понятия. Искусство реализма, которое живо хоронят господствующие учёные могильщики, действительно, не было последним словом буржуазной культуры. Искусство критического реализма, действительно, имело своим продолжением как социалистический реализм,

представляющий мир в его квестивно обновляющемся виде, так и модернизм, свидетельствующий о духовной деградации буржуазной цивилизации, последним визгом которой в наше время стал так называемый постмодернизм. Учёный историк литературы, конечно же, знает об этом, но деликатно умалчивает, давая тем самым возможность своему подопечному довести партию до умопомрачения: «Никто их новых «Что делать?». Утопиям больше не верят. Пришло время для научного изучения великих утопистов, не представляющих теперь никакой опасности».

Экзотика – экзотикой, но Пеперно с Золотоносовым по крайней мере выскочили по поводу прочитанного. Но даже им, вероятно, не снилось, что можно писать, совершенно игнорируя то произведение, которое послужило отправной точкой для критической, с позволения сказать, статьи. Например, один из молодых профессиональных критиков ничтоже сумняшеся заявил на семинаре, предшествовавшем пленуму Союза писателей России в Бронном, что получил удовольствие от чтения ему, увы, недоступно: «Никогда не вижу и не пытаюсь увидеть то, что автор хотел передать посредством печатного слова и образности. Книжки мне нужны для того, чтобы посредством чтения вытиснить из себя кое-то свои мысли, выводы, свои образы» (Огни Кузбасса. 2013. № 5). Ну, во-первых, с таким нетрадиционным предствлением о литературной критике ещё в советские времена выступил Лев Аннинский. Именно поэтому он и упоминается в изданной в 1987 году книге для учителя «Современная русская советская литература», подготовленной профессорско-преподавательским составом МГУ. А вторых, этот метод – взять к какой-нибудь конкретный предмет и написать о нём чушь несусветную – успешно освоены и беллетристы: так Роберт, например, современный американский писатель Бен Меркус. В его романе «Выходящие женщины Америки» действие происходит в штате Огайо, где писатель не только никогда не был, но о жизни в котором он вообще не имеет ни малейшего представления. Его объяснение того нетрадиционного подхода к художественному творчеству проясняет и нашу продвинутую в оригинально-мрачном предствлении (так называемые сегодня именуются «дискурс ми») околотрадиционную критику: «Огайо был для меня белым пятном на карте. Мне легче сосредоточиться на том, о чём я не знаю ничего, – так лучше выдумываться» (Иностранная литература. 2004. № 4). Если не широкое школьное воспитание сочинители будут следовать тем кому зрительному примеру – отдыхай, классическая и современная литература, им и безвсестельно что не выдумывать! От той кой отсебятины уши станут вянуть не только у их школьного учителя литературы!

173

Перед Достоевским не ши девятикл ссники про-
долж ли обменив ться впеч тлениями от произвед-
дений современной литер туры:

«И на уроке об этом поэте [Евгении Евтушенко] говорили, и одноклассники рассказывали – хорошие стихи, нравятся, а до меня не доходит. Может, годика через три почитать ещё раз, авось пойму что-нибудь. Вот как «Дон Кихота». В седьмом клас-
се через силу читала, не понимала. А на каникулах взяла полностью две части и на одном дыхании прочитала – так интересно, так смешно написано!»

«Роман очень интересен, хотя и читается трудновато. Не то что трудно читать слова и предложения, а просто как будто находишься вместе с героями романа Кузнецовым, Ухановым, Сергуненковым, Бессоновым, вместе с их переживаниями. Поэтому я считаю, что очень верно пишет один из моих одноклассников о том, что «Горячий снег» [Юрия Бонд рева] читать намного труднее, чем «Отцы и дети» Тургенева.

Роман интересен ещё тем, что можно сравнить своё отношение к героям в начале и в конце. Вот, например, Уханов сначала кажется разболтанным, но в бою совсем не такой. О Дроздовском наоборот: сначала относишься с уважением (после сцены обтирания снегом), а потом, когда по его вине гибнут Зоя и Сергуненков, просто злость берёт. Это очень себялюбивый командир».

«Порой не можешь удержаться от смеха, такие, как «Упорный», а то и бывает заплачешь порой, это такие, как «Солнце, старик и девушка», «Сураз»; бывают и такие рассказы, которые перемешивают все чувства, то есть, как говорят, «смех и слёзы», например, «Земляки». Все рассказы Шукшина, по-моему, написаны искренне, просто и справедливо».

В отличие от сочинений, при р боте н д которы-
ми я н стр ив л ребят н тц тельную дор ботку
чернового н броск , для чит тельских отзывов у
меня был ин я уст новк : не н до переписыв ть,
«причёмсыв ть» н пис нное. В чит тельских отзы-
в х меня устр ив л именно чернов я з пись, то пер-
вое впеч тление от книги, которое порой трудно
выр зить н слов х. И тут всё з висело от уровня
подготовки втор : кому-то уд в лось ср зу, к к
Моц рту, пис ть н бело, кто-то должен был в
оконч тельном в ри нте, когд шл р бот н д
языком, «поверить г рмонию лгброй».

«Действительно, как писал кто-то из одноклассников, в этой книге [«Большой з чин» Аф н сия Коптелов] много нового, интересного. Например, я не знала ничего о песне «Варшавянка». Оказывается, эта песня польская, а русские слова к ней подобрал соратник Ленина – Кржижановский. Не знала я и того, как Владимир Ильич познакомился с Надеждой Константиновной Крупской.

Не понравилось в книге описание прибытия Ленина к месту ссылки. То он в поезде едет, то на из-

возчике... Кому как, а мне было неинтересно читать это. И к тому же я совсем запуталась во множестве имён: Базиль, Ванеев, Инсаров, Ляховский...

Читала с трудом, через силу. Если бы не требовала программа и не надо было писать отзыв, я, наверно, не стала бы читать книгу вообще, хоть она и интересная местами».

«Меня всё время сверлила одна мысль: где, когда я могла её [повесть В сила Быков «Обелиск»] прочитать раньше? Может, рассказывал кто-то, но мне казалось, что я это уже читала, даже могла угадывать то, что будет дальше.

Книга мне понравилась. Кажется, я нигде больше не встречала, чтобы о войне писали так просто, без возвышенных фраз, не описывая подвиги, великих героев. Поразила жизнь простого учителя сельской школы Алеся Ивановича Мороза, который всю жизнь отдал детям, учил их не только школьным наукам, учил жизни».

Интересно, к к прочитыв ется сегодняшними ст ршекл ссник ми Достоевский? Не учебник с соответствующей гл вой о пис теле и его творчестве, тот же ром н «Преступление и н к з ние». М ри н Цвет ев , н пример, к к-то з метил , что Достоевский ей «не пон добился». Ту же мысль, не помню, о к ком пис теле, предельно л конично выр зил Т тьян Толст я: «не сошлись х р ктер ми». А вот о том, к к дети говорят:

«Скажу по правде, роман я читала с неохотой, из-за того, что я должна его читать по программе».

«Лично мне как человек он [Р скольников] не понравился. Всегда какой-то рассеянный, несобранный, главное – без цели. Бросил институт только из-за того, что был зол на всех, хотя были возможности учиться. Читалось не так трудно, как «Что делать?»

«Писатель ставит своего героя в различные ситуации, так что мы видим раскрытую перед нами душу Раскольникова. Его муки изображены так ярко, что иногда мне казалось, что такое пережи-
ваю и я».

«Не скажу, что очень понравился, трудно читать эти большие абзацы. Самое большое впечатление произвела сцена, когда Раскольников рассказывал Соне о том, кто убил старуху и Лизавету. Такую книгу я читаю впервые. Обычно в книгах рассказывается о том, как идёт расследование, мысли, раздумья милиции или служителей закона, а здесь, наоборот, говорится о том, как чувствует себя человек после совершения преступления. Жизнь в постоянном страхе, раскаяние в душе, борьба с самим собой, переживания – всё это испытывает главный герой романа. И если обычно к преступнику относишься... ну, как можно отнестись к человеку, который убивает другого человека? А здесь, не знаю, жалость, что ли, сочувствие к нему, всей душой на стороне этого человека, потому что он сам себя наказал.

Не поняла, зачем введены Свидригайлов и Лужин. Наверно, для этого надо читать весь роман, а не те обрывки из отрывков, которые у нас в хрестоматии».

Отзывов о роме не Льва Толстого «Война и мир» мои подопечные не писали по той причине, что мы все вместе читали и перечитывали его «по дилемме», з держа в ясе н отдельные эпизоды и детали. А что касается чеховских рассказов и «Вишнёвого сада», то после объёмного романа Толстого вопрос о читательских трудностях отпал сам собой.

Если вопросы методики обеспечения решаются на государственном уровне, организационно-методические – в министерстве и региональных управлениях, то критичным в этой цепочке не родного просвещения оказывается рядовой школьный учитель. К какой предствляется сегодня его миссия? Вот к какой это предствляется поэту Юрию Кублановскому: «Замордованный в 1990-е годы нищетой и невыплатой зарплаты, нередко гнувший спину, чтобы прокормиться, не приходя в учебный день, современный учитель должен тем не менее – к этому ни трудно – осознать свою миссию, миссию просветителя и педагога. В этом плане его роль сопоставима в чём-то даже с ролью духовного пастыря. Он должен заниматься душой человеческую, не довольствуясь сфокусироваться совести молодого человека. <...> Русская литература крест и учит всему лучшему, что есть в человеке к великому Божьему» (Национально-методический журнал для учителей словесности «Литература». 2008. № 6).

Духовный пастырь должен свято хранить «тайну исповеди». Мы помним, какую роковую роль сыграл в судьбе Овод его духовник в одноимённом романе Этель Войнич. Как тогда, так и теперь я не выдвину тех, кто с великим доверием приходил ко мне в своих читательских отзывах со своими откровениями:

«После прочитанных мной произведений Пушкина («Евгений Онегин») и Лермонтова («Герой нашего времени») мне начинает казаться, что настоящей любви нет вообще. Вот полюбишь человека, как Татьяна Ларина, а он окажется к тебе равнодушен, как Евгений Онегин».

«Зачем она [Катерина в «Грозе» Островского] призналась? Мне её жалко. Все мысли перемешались, одна противоречит другой... Напоминает мне трагическую любовь Анны Карениной, которая кончается так же её гибелью».

«Очень понравился сборник стихов [Николай Заволоцкого]. Вернее, не все, а отдельные стихотворения. Например, больше всего понравилось стихотворение «Седов». Ну, просто трудно описать всё, что во мне творилось. Какой героизм, какое мужество!.. Ещё очень понравилось стихотворение «Смерть врача». А стихотворение «Журавли»? Какую боль испытываешь, читая его.

Вот нам в школе дают в основном классику, а современных поэтов как-то обходят стороной. Так, мельком, на факультативах, на уроках по советской литературе. Я, например, не могу понять, чем Заболоцкий хуже Пушкина? Почему одного изучают в школе десять лет, а о другом порой вообще не знают... А может быть, нельзя их сравнивать?..»

Не помню, что я говорил тогда по этому поводу, но, кроме факта культуры по современной русской советской литературе, был у меня и факт культуры по основным стихосложениям. Стихов я тогда, как и сейчас, не писал, вот в «нулевых» посвятил Пушкину два стихотворения. Одно из них было опубликовано в сборнике прокопьевских поэтов и прозаиков, другое предложил я теперь вниманию читателя (в нём я позволил себе вступить в переписку с Пушкиным и Митрополитом Московским Филаретом):

*Дар чудесный, дар случайный,
Жизнь явилась на Земле,
Среди стужи лет бескрайной
Мир забрезжился во мгле.*

*Дар волшебный, дар случайный,
Мир проснулся и в тебе;
Не спеши прощаться с тайной,
Благодарен будь судьбе.*

*Сколько было! Сколько будет...
Как тут всех нас перечислить?
Но такой, как он, – пребудет!
Пушкин – с нами. Пушкин есть.*

Автор читательского отзыва, возможно, уловил тогда моё нескрываемое благоговение перед пушкинской поэзией и усмотрел во мне подобие чеховского «человека в футляре», непозволительно глубоко ушедшего в классику. Разговор тогда я не припомню, но, судя по отзыву, он вполне мог тогда состояться. В тех отзывах и беседах меня не могли не порадовать, кроме всего прочего, самостоятельность суждений, готовность отстаивать свою точку зрения и необходимость при этом культуры общения:

«У Веры Павловны [в романе Чернышевского «Что делать?】 можно поучиться, быть сдержанной, уметь управлять своим характером, уметь любить по-настоящему, уметь видеть человека в ком-то. Это не всем дано, понимать человеческую душу. Она, подобно Катерине в «Грозе», не имела своего слова. Мать её была очень скверная женщина, а с другой стороны, мне её почему-то жалко. А почему, сама не знаю».

«Врать не буду – стихи [Евг. Евтушенко] не понравились. Может быть, потому, что почти все на одну тему – про север, про море, про охоту... Это

175

единственный сборник, который мне не понравился. Обычно возьмёшь стихи и обязательно найдёшь много хороших, а тут как нарочно. Правда, попадаются отдельные строчки, которые сами собой запоминаются, вот как эти:

Я не хочу ни половины счастья,
Ни половины горя не хочу!

Или ещё такие:

Надумана задача – стать великим.
Твоя задача – маленьким не стать.

Ну, вот и выдохлась, не знаю, про что ещё написать...»

«Роман [«Преступление и наказание»] не понравился. Бегают, прыгают, убивают, и вот тебе конец – объявился убийца...»

«Как ни удивительно, но я Печорину симпатизирую. Хоть Лермонтов показал самого нехорошего человека того времени, но мне всё равно как-то жаль его, что ли».

Увлечение к противоположной точке зрения, способность не зацикливаться на своём мнении, отказ от безоглядной категоричности суждений – всё это признаки той подлинной культуры общения, без которой мы никогда не избавимся от хронического столпотворения. Я в своей работе колес не изобретал: во-первых, время от времени поминать школьникам, что категоричность – это признак ограниченности; во-вторых, перед началом диспута исключить возможность использования «железобетонного» аргумента: «Вот дур!» – «Смешно!» Дети относились к этому с пониманием. Это прослеживалось и в их письменных работах:

«Может быть, я ошибаюсь, но мне показались некоторые эпизоды и сцены [в «Грозе» Островского] лишними. Взять хотя бы Кулигина. Он совсем не принимает участия в главных событиях. Тогда зачем автор ввёл этого героя в пьесу?»

«Не могу сказать, почему «Гроза» мне не понравилась. Во всяком случае, у меня сейчас странное впечатление: как будто я не совсем правильно воспринял это произведение».

После урока-диспута по рассказу Чехова «Ионыч» девятиклассникам было предложено продолжить разговор в письменном виде. В одной из работ автор откровенно своё умение дискутировать, возразив учителю. Подводя пример, я тоже не всегда был согласен с вторым учебником, предлагая ребятам определить свою позицию. Вот как это выглядело в упомянутом мини-сочинении «Мысли после диспута»:

«Не могу согласиться с ответом на вопрос о жизни Туркиных. Вот вы говорили: «Вы забываете о том, что это самая лучшая, уважаемая всеми, та-

лантливая и образованная семья во всём городе». Ну и что? Шутить, писать о том, чего нет и не может быть, бить по клавишам рояля может каждый, и ни у одного из членов этой семьи нет таланта. И если их считают образованной и талантливой семьёй, то можно представить жизнь остальных обитателей этого городка».

Что осталося делить учителю после того, как на следующем уроке он озвучил это дресованное ему возражение? Класс ждал, и, выдержав соответствующую паузу и подводя пример своим воспитанником, я полностью согласился с доводом моего оппонента.

Последнее, чем я хотел бы отметить внимание сегодняшнего читателя, это вопрос об экранизации литературных произведений. Сегодня, как известно, поспешая за всем цивилизованным миром, мы сделали крен в сторону зрелищных мероприятий. «Шоу» сидит на «шоу» и «шоу» погоняет. Помнится, как по этому поводу выразил обеспокоенность наш писатель-сибиряк Валентин Радченко: «Человек лишает возможности побыть одному, ему не остаётся времени на то, чтобы просто отдохнуть от суеты и задуматься. Даже спешительная рыбалка превращается в многолюдное предствление». Тем же спешительным кругом до недавнего времени был и книг:

«Больше всего понравилась «Княжна Мери». Раньше я видел кино, но эту повесть, – делится своими впечатлениями восьмиклассник обрзц 1985 год, – невозможно показать, не всякие произведения можно экранизировать. Можно понять героев тогда, когда читаешь сам книгу и обязательно в одиночестве».

В результате опрометчиво принятого нами курса на резкое увеличение в качестве основного способа существования изящного словесности прочитывается теперь не в оригинале, в чём-то пересказе, инсценировке или экранизации. Более того, и в последнее время стали усиленно потчевать «ремейками», в которых от оригинального текста остаётся порой разве что название. Не случайно поэтому темой третьего по счёту заседания молодёжного дискуссионного клуба, которое состоялось в феврале 2012 года в Кемеровской областной детской библиотеке имени Арктика Гидроименно экранизация литературных произведений. В итоге обсуждения данной темы участники заседания согласились, что экранизировать, конечно, нужно, но делить это следует бережно (Огни Кузбасса. 2012. № 2). За этим «бережно» легко проследится неприятное вольное обращение с текстом оригинала, за что нам следует благодарить прежде всего работающих сегодня в школе учителей. А как этот вопрос решали для себя родители нынешних школьников?

«Читать книгу [«Отцы и дети»] мне было интереснее, чем смотреть фильм».

«В книге Базаров был как-то мягче, что ли, чем в фильме».

«Фильм мне показался очень скучным в первой серии, потом начала вовлекаться».

«Читала с трудом, а после фильма мне стало многое понятно».

«Фильм мне понравился, но когда я прочитала книгу, то впечатления мои увеличились в два раза. Хотя бы взять маленький эпизод, когда Базаров с Аркадием шли в гости к Одинцовой; я совсем не увидела того волнения Базарова, что описано в книге».

Кажется, видно из приведённых, по крайней мере одному из одноклассников, «обрывков из отрывков», при чтении отдельных впечатлений довольно велико: и процесс чтения, и суждения о том или ином произведении. Школьники без малейшего стеснения делились с учителем (через него и с одноклассниками) своими переживаниями, в которых они и сами порой не могли разобраться. Они откровенно писали о том, что было либо непонятно, либо приводило в полное замешательство. Тем образом был подготовлен годовой доклад для работы с учебником и дополнительной литературой (сегодня хорошим подспорьем в этом отношении является Интернет). И лишь после всего этого – непосредственного общения с вторым и выучки у написавших учебник литературоведов с привлечением рекомендаций ими дополнительной литературы – мы выходим на финишную прямую: написанное классом или домашнее сочинение, которое представляет собой (воспользуясь термином Хемингуэя) лишь одну седьмую и дводную часть истинного.

Интерес к язычной словесности зажёг не столько текстурального значения, сколько оригинальности. Этому и был в основном посвящён стоящая статья. Остаётся под занавес удовлетворить любопытство читателя

относительно того, не был ли задан этот слуховой огонёк мощным дуновением учебной и литературоведческой науки. Сохранился ли первоначальный потенциал, обречённый в процессе общения с писателем? Судите сами. Привожу выдержки из сочинений тех же наших восьмилетних, девятиклассников:

«Хочется верить, что Печорин – хороший человек, но, увы, не получается. Как может умный, образованный человек так жестоко поступать с людьми? В. Г. Белинский пишет, что он вёл войну не только с княжной Мери, но и со всем тем светским обществом. Не согласна! Герой «Горя от ума» Чацкий действительно вёл упорную открытую борьбу против фамусовского общества, а Печорин нет. Он как будто недоволен той средой, в которой воспитывался, он будто ведёт борьбу, а на самом деле он наслаждается войной с княжной, и не только с ней».

«Наверное, самую точную оценку роману «Отцы и дети» мог бы дать замечательный русский критик Н. А. Добролюбов, но, к сожалению, его уже не было в живых... Вообще, по некоторым вопросам Д. И. Писарев меня больше убеждает, чем авторы учебника по литературе».

Я пишу эти ключевые строки, когда в школу уже вернули единый учебник по отечественной истории XX века. Очевидно, что в связи с этим преподаватели литературы вспоминают время, когда их единое учебное пособие по русской советской литературе дополняли столь же вторичные книги для учителя и для учащихся старших классов. Но, в отличие от преподавателей истории, мы всегда спорим, кроме учебников, текст художественных произведений, которые должны быть доступны школьникам как в электронном, так и в традиционном книжном исполнении. Первое пока что не может гарантировано и полностью заменить второе. Тем не менее президентская инициатива во многом будет зависеть и от того, как мы сумеем в обновлённой учебной литературе сохранили свои библиотечные фонды.